

**МБУК «Чебулинская межпоселенческая центральная
библиотека»**

Усть-Сертинская Модельная библиотека-филиал №22.

Состав.И.В. Воронкина.Н.В Угрюмова

.Чебулинский р-н, с. Усть –Серта, ул Кирова,4

Тел.8-384-44-32-3-14

**МБУК «Чебелинская межпоселенческая центральная библиотека
Усть-Сертинская Модельная сельская библиотека филиал №22**

Михайлова Елена

Дог по имени Ванда

**Усть-Серта
2015**

Елена Александровна Михайлова

Родилась в 1945 году в г. Оха на острове Сахалин в семье военнослужащего. Имеет высшее образование – закончила педагогический институт по специальности «педагогика и психология дошкольного возраста». Более 36 лет работала в детских дошкольных учреждениях музыкальным руководителем. С 1997 года на заслуженном отдыхе. В 2004 году семья переехала в Сибирь, в село Усть—Серта.

А что на свете есть выше этого чувства!

Конец.

Раньше она всегда смешила нас, когда укладывала ее, как человек себе под голову или обнимала лапами. Иногда она каким-то образом укрывала себя пледиком. Вообще у нее было много милых и смешных действий.

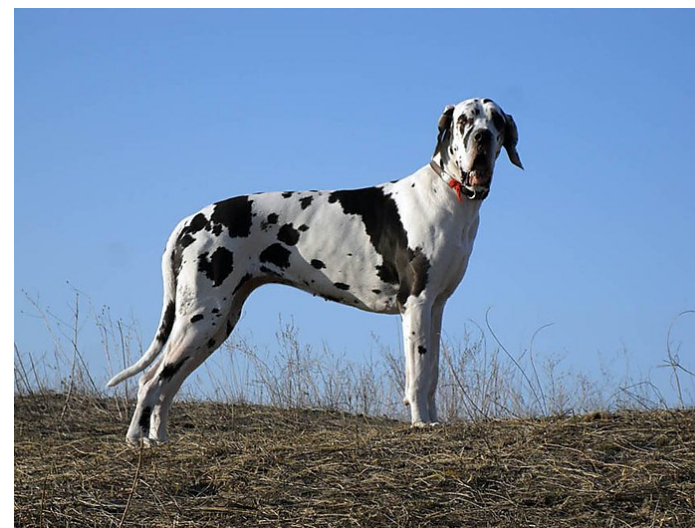
Я села рядом с Вандой на лежанке, гладила ее, говоря ласковые слова. Ванда лежала, закрыв глаза, положив лапу мне на колени.

И вдруг она закричала тоскливо и тоненько, широко открыв глаза. И... затихла. Сначала я ничего не поняла, а потом почувствовала, что она не дышит. Да, я знала, что Ванда больна, что мы ее лечим, но что она умрет – такая мысль не приходила в голову.

Моей Ванды не стало.

Похоронили мы ее в тихом лесочке под молодой березой. Рядом журчит светлый ручеек; вокруг хороводом сплелись кустарники рябины; лиственницы-подростки тянутся к солнцу; поют птицы; северный ветер, теплый в этот летний день, играет высокой травой, перебирая ее своим струйками.

Здесь на этом месте, сошлись воедино красота природы и ее творение- существо, которое прожило свою недолгую жизнь честно, благородно, не уронив достоинства своей королевской породы и надеюсь, счастливо, потому что моя Ванда жила в любви.

“Дог по имени Ванда”

Рассказ

Усть-Серта
2014 г.

Кирилл вынул из дорожной сумки собачку – дожонка и поставил посреди комнаты. Треугольная голова с торчащими ушами, на которых еще остались следы зеленки купирования, была, слишком большая для ее тонкой шеи и казалось, она с трудом держит ее. Красивые лапы тоже казались великоватыми. Она была худая и усталая, но во взгляде разных по цвету, глаз не было испуга. Она внимательно изучала меня, как бы спрашивая: буду ли я ей настоящим другом, не откажусь ли я от нее как прежние хозяева, которые уехали работать за границу и не взяли ее с собой. И это гордое спокойствие в осанке говорило о породе. Щенок в свои три месяца от роду, она напоминала, что в ней течет королевская кровь немецкого дога, и это обязывало вести себя соответственно. Я погладила ее по шерстке мраморного окраса, взяла ее за лапу и сказала: “Здравствуй, Ванда. Вот ты и дома”. Она уткнулась в мои колени. Потом она делала это всегда, когда хотела показать свое расположение. А я почувствовала, как защемило сердце от этой теплоты и довебрчивости. С этой минуты мы стали близкими и родными. Теперь только от меня зависит, какой вырастет эта добрая, красивая и благородная собака.

передвигалась, поддерживаемая мною, нюхая траву и какие-то цветочки. Вдруг из подъезда дома выскочила и помчалась во всю прыть прямо к Ванде соседская сенбернара Динара – единственный заклятый враг Ванды. Хозяева ее были алкоголиками с большим стажем. Их вечные пьяные скандалы, плохое обращение, переменчивое настроение сделали из Динары злобную, с неустойчивой психикой собаку. Иногда она цеплялась к Ванде, которой приходилось драться, всегда одерживая победу. Поджимая хвост, побежденная Динара убегала, но теперь видя, что Ванда больна и беспомощна, она решила взять реванш.

Я закричала: “Динара стоять! Фу!” Но какие тут команды, когда она чувствовала привкус победы. И тут Ванда выпрямилась, высоко и гордо подняла голову и зарычала, оскалив зубы. Такой я ее видела впервые. Она защищала свою честь, свою породу, меня, своего самого близкого друга, от подлости, гадкого, унижительного в своей мелочности поступка.

И Динара остановилась, сраженная этим величием силы духа. Как всегда поджав хвост, отступила, а потом скрылась за домами. Этот эмоциональный порыв забрал последние жизненные силы Ванды. Мы с трудом дотащились домой. Ван-

Сначала мы думали, что так протекает беременность (все признаки которой были налицо, как говорил врач-ветеринар), но когда Ванда стала плохо есть, обратились к ветеринару снова. Посмотреть Ванду, она высказала предположение, что беременность замерла. Несколько дней делали уколы, но Ванде становилось все хуже. Тогда ветеринар открыла матку. Никаких плодиков там не оказалось. Я строго выполняла все назначения врача: делала промывания, вставляла тампоны с лекарством, но Ванда таяла на глазах. Она уже с трудом выходила гулять. Однажды, поднимаясь по лестнице, у нее подкосились лапы, и она стала скатываться по ступенькам. Я подхватила ее, но поднять, конечно, не смогла.

Детонька моя, вставай! Не сдавайся, ты ведь у меня сильная.

Она пыталась, но не получалось. Я разревелась от бессилия и жалости. И, видя мои слезы, Ванда встала. Снизу по ступенькам поднимался Кирилл. Оценив картину, он понес Ванду на руках. В этот вечер он сделал приспособление, которое поддерживало Ванду как ребенка, который учится ходить. Ванда была очень аккуратна и как я ни уговаривала ее сделать туалетные дела дома, она упрямо просилась на улицу.

Я знала истину: если собака злая, агрессивная или глупая и пугливая - значит, было плохое воспитание.

Я подвела Ванду к кормушке, которая стояла на подставке вровень с ее ртом (догов нельзя кормить с пола, иначе нарушится осанка).

- Ешь.

Она стала жадно хватать мясо, перемолотое на мясорубке.

- Не торопись. Ешь спокойно. Это твое, никто не отнимет.

И, как будто поняв, что это действительно так, она стала есть аккуратнее.

А я поняла, что с ней нужно разговаривать, все объяснять как ребенку. С этого момента она никогда не "охраняла" от меня свою еду. На других же рычала, стоило только протянуть руку к ее косточке или игрушке.

На сегодня еще предстояло купание. Взяв Ванду на руки, я стала осторожно опускать ее в ванну с теплой водой, боясь, что она будет вырываться, но она спокойно встала в воду, а когда я начала поливать из душа, ее мордочка выражала такое блаженство, она словно улыбалась, сразу стало ясно - ей это очень нравится. Я намылила ее "собачьим" шампунем, потерла щеткой и, когда стала смывать пену душем, Ванда разыгралась,

подставляя под струи свою голову, стараясь поймать воду. Вода смыла все опасения и переживания. Нам стало легко и радостно. Завернула я Ванду в большое махровое полотенце (впоследствии она всегда приносила его мне, когда хотела купаться) и положила на удобную лежанку, сделанную из дерева, с матрасом и подушкой. Это было ее “место” Через несколько минут оттуда послышалось тихое похрапывание. “Ах, ты, моя “сторожиха”! С покойной ночи тебе, моя девочка. Набирайся сил. Нам с тобой многому нужно будет научиться”.

Наступило утро нашей первой прогулки. Был январь у нас на севере это – 25 градусов с ветром, от которого мерзнут даже глаза. Я хотела надеть на Ванду жилет, но она стала увертываться и проявила такую стойкость характера, что я сдалась, подумав: “Ничего, замерзнешь, сама попросишь его на тебя надеть”. Нет. Не попросила. Никогда. Жилет, как и намордник, она воспринимала как ограничение свободы, а вот поводок любила – это был символ прогулки, а гуляла она всегда с упоением.

Со временем у нее появилось много приятелей, с которыми она бегала, гоняла, мячи и всегда над всеми одерживала верх, выматывая своей выносливостью и силой.

культурой воспитания собаки, что решил завести себе щенка только от Ванды. Взял наш адрес и клятвенное обещание: когда у Ванды будут щенки, мы дадим ему знать, и он придет за одним из них. Не повезло ему. Детей у Ванды больше не было.

В самолете Ванда чувствовала себя очень плохо. Салон был почти пуст, и она сидела со мной рядом. Раскрывая пасть, Ванда тяжело дышала, и сердце стучало так, что сотрясало тело. Соседка, видя состояние Ванды, предложила валидол. Я держала таблетку под языком Ванды, и успокаивала ее, говоря, что немногим собакам повезло летать в небе, а она даже это испытала в своей жизни.

Минут через двадцать Ванда успокоилась, положила свою голову мне на колени, остальное тело на кресло рядом и до конца полета спала. После очередной вязки мы с Кириллом стали замечать, что Ванда неважно чувствует себя: отказывалась плавать в озере, садилась как-то неловко, словно ей было больно. Она все чаще склоняла голову на мои колени и подолгу смотрела на меня грустными глазами. Я гладила ее, почесывая за ушами, что она очень любила, и спрашивала, что случилось с моей девочкой. Куда девались ее веселое настроение и неутомимая подвижность.

Мы положили на него Ванду и чуть не волоча по земле (в ней было 58 кг. веса) понесли в машину. Уложив ее на заднее сидение, я положила ее голову на колени. Она была такая родная и беззащитная, как большой ребенок. Уже подъезжая к дому, Ванда очнулась и качаясь, нестойкой походкой пошла к подъезду. За нами шла Валерия, держа в руках бутылку водки (врач рекомендовал перед перевязкой минут двадцать держать в воде хвост). Картина была достойна кисти художника. Вот наверное, позлорадствовали гуляющие на сопке, подумав, что мы собаку поим алкоголем, они ведь не знали, что мы возвращались с операции. Интересно, что с соседями, не имеющими собак, у нас сложились дружеские отношения. Через некоторое время мы уезжали домой с зажившим хвостом и новыми впечатлениями. Во время пути в поезде Ванда удивляла попутчиков своими манерами, получая бесчисленные комплименты. В Хабаровске нужно было переехать с железнодорожного вокзала в аэропорт. Мы воспользовались услугами частного «Японки». Так у нас называют «мазды», «тойоты» «нисаны», производимые из Японии. Когда я расстелила коврик на заднем сидении, чтобы Ванда не запачкала его своими лапами, водитель был так поражен

Первой подругой ее стала Кармен – доберман, одного возраста с Вандой, такая же веселая и добрая собака. На площадке для обучения им не было равных. Они учились легко и с удовольствием, правда, соперничая друг с другом. И не было таких препятствий, которых бы они не взяли. Не обошлось, конечно, без пожеванной обуви. Не спаслись от Ванды ни тапочки, ни модельные туфли, но я никогда не била ее. Сама виновата – не научила не делать этого. Потом я прочитала, что собаку сразу нужно приучить не грызть, обувь и мебель, каждый день, по несколько раз давая ей понюхать туфель или подвести к креслу, говоря: “ Это трогать нельзя, фу!” Я так не делала. Просто убирала все в недоступное для Ванды место, давала ей большие кости, над которыми она трудилась часами, и со временем обувь перестала ее привлекать.

в повседневных заботах проходили месяцы, и наступило знаменательное событие в нашей жизни. Ванде исполнился год. Первый день рождения. Первый праздник в ее честь. Я приготовила торт: картофельное пюре с мясом, каждый слой разделялся кусочками колбасы, верх тоже был украшен тонко нарезанными ломтиками колбасы и сыра

(любимыми лакомствами Ванды). Получилось очень красиво. В середине я поставила свечку и стала говорить Ванде тост. Она внимательно слушала, а когда я сказала, что теперь нужно свечку задуть, Ванда попыталась было сделать это, но потом так выразительно посмотрела на меня, всем видом говоря: “Ты что не понимаешь, я бы с радостью, но не умею дуть”. Было так смешно. Задуть свечку пришлось Кириллу, но торт Ванда с завидным аппетитом ела сама.

Из шаловливого щенка Ванда превратилась в великолепную, умную, с ярко выраженной породой догнью. Она стала высокой, стройной и грациозной. Держалась всегда спокойно и с достоинством. Кирилл научил ее всем собачьим командам. Она сидела, ложилась, стояла рядом, давала лапы (знала какая из них левая, правая), ползала, брала препятствия, охраняла “место”, вещи, приносила “апорт”, лаяла только по делу или по просьбе, носила сумку из магазина, не брала еду из рук незнакомых. Друзья семьи были и ее друзьями. От них она принимала угощение, но взглядам всегда спрашивала разрешения. Были и курьезные моменты. Я просила своих приятельниц не давать Ванде куски со стола, когда мы чаевничали.

Приехали мы во Владивосток не только погостить, но и показаться ветеринару. У Ванды воспалился кончик хвоста и долго не заживал, несмотря на лечения мазями. Мы пришли к доктору, у которого была частная лечебница. После нашей захолустной ветеринарной больницы, находящейся в грязном, давно просящемся на снос, покосившемся, со вздутыми полами и гнетущим запахом карболке сарае, мы попали в медицинский рай их двух комнат, с соответствующим назначению интерьером и сверкающим стерильной чистотой. Подстать своему заведению был и врач. Настоящий Айболит, приветливый, вежливый, да еще с ученой степенью, он сразил нас своим обаянием и участливым отношением к больному.

Ванда покорно снесла все экзекуции, связанные с осмотром и анализами. Полечи ее некоторое время амбулаторно, наш доктор сказал, что нужно делать операцию и передал нас хирургу. В назначенный день мы приехали в медицинский институт, где было ветеринарное отделение. Ванда запрыгнула на стол и, получив дозу наркоза, упала на подогнувшиеся лапы. Операция проходила минут тридцать. Она еще спала, когда нам дали команду: “Забирайте”. Хорошо, что в багажнике машины лежало покрывало, которое мы брали на пикник.

Опустив хвосты и прячась за ноги своих “мамок”, собачки склочно тьякали, с испугом глядя на Ванду, понимая, что не по рангу им это занятие, но и науськивания хозяек нельзя было послушаться. Ванда с достоинством прошла через этот строй злобы, не удостоив никого ни взглядом, ни звуком. Я тоже была в недоумении. Поняв, что мы здесь не ко двору, ушли подальше и долго обследовали новые места. Когда возвращались, на сопке уже никого не было. Все собрались внизу у подъездов дома, откуда доносилось шумное многоголосье. И вдруг Ванда рванула вниз по сопке через заросли кустарников. От неожиданности я остолбенела. Сопка была крутой, спустится, вслед за Вандой я не могла и пока добежала до ступенек и спустилась, вниз уже было пусто и тихо. Я стала оглядываться в поисках Ванды и слышала сверху ее звучный, низкий “Гав”! она звала меня, стоя на сопке – величественная, гордая, что навела порядок, избавившись от завистников и отвоевав нам законное место для прогулок. С тех пор, когда мы появлялись на сопке, все пристегивали поводки своим собакам и уходили. Что ж, мы были не против погулять в одиночестве.

. И как-то раз я вышла на кухню, предупредив гостью о запрете. Вернувшись, я обратила внимание на то, что Ванда как – то странно выглядит, но за разговорами забыла об этом. Через некоторое время эта странность была разгадана. Оказывается, когда я вышла, подруга, конечно же начала угощать ванду колбасой сыром и пирогом, а услышав мои шаги, попросила ее не выдавать. И эта хитрюга держала во рту куски, боясь проглотить, делая вид, что она как настоящая леди, считает унижительным для себя попрошайничать. При большой любви вкусно поесть, Ванда могла на носу держать лакомство, пока не будет команда “Ешь”.

Нравилось ей, когда ее хвалили. Уж тогда она была готова просто вылезти из своей необыкновенно красивой шкуры. А еще Ванда любила танцевать. Заслышав музыку она неслась в комнату и начинала кружиться. Я хлопала в ладоши: “Потанцуем!” Ванда вставала на задние лапы, передние клала мне на плечи. Движения были на удивление ритмичны. Во время танца она всегда старалась лизнуть партнера в лицо, выражая признательность. Любила быть в центре внимания и, когда видела себя на экране видео магнитофона,

начинала лаять, как бы говоря: “Это я! Вы видите, как я красиво танцую! Или плаваю, или бегаю за бурундуками, или убегаю от ледяных волн Охотского моря”. У нее, как у настоящей звезды экрана, было множество видеозарисовок, где было запечатлено каждое событие ее жизни. А уж событий было немало.

Как-то я шла с работы и на другой стороне улицы увидела группу детей лет, 10-12 которые вели на веревке дога, как две капли похожего на Ванду. Я, при всей своей уверенности, то что это не она, так как в наше рабочее время она находится дома, приостановилась. И вдруг собака оглянулась и посмотрела на меня. В ее глазах было столько недоумения, ужаса, мольбы. Господи. Это была моя Ванда. Я подбежала к детям, стала выяснять, как оказалась у них собака. Они говорили, что она гуляла одна, и они решили взять ее с себе потому, что она такая добрая, красивая, большая, и с ней они никого не будут бояться. Освободив Ванду от веревки, я повела ее домой, всю дорогу восклицая: “Ты что, с ума сошла? Это чужие. Нельзя было с ними уходить”

Правда, иногда в Ванде просыпалось желание пошалить как в детстве. Мы с ней приехали во Владивосток к моей дочери Валерии. Ванде отвели место в прихожей в укромном уголке, сделав там удобную лежанку. Ночью я вышла из комнаты и увидела, что лежанка пуста. Ни на кухне, ни в ванной(где было место для ее кормления) Ванды не было. Я уже стала волноваться. Куда могла деться собака при закрытой двери? Я тихонько позвала ее и чуть не задохнулась от смеха, когда Вандина заспанная физиономия появилась из двери кладовки. Это она сама нашла для себя комнату, перетасила туда подстилку и даже прикрыла дверь, чтобы ее не беспокоили.

Было время Пасхи. Мы покрасили яйца в яркие цвета и оставили их на столе в лукошке. Ванда (чего уже не случилось много лет) стащила пять штук, оставив нам на двоих ровно десять. Неужели она и считать умеет? Мы ее даже не поругали от умиления.

Нам с Вандой показали сопку рядом с домом, где было отведено место для собачьих прогулок.

Мы, привыкшие в своем маленьком городке к дружелюбию братства любителей собак, хотели подружиться с уже гуляющим там обществом, но люди и их питомцы, чувствуя настрой хозяек, встретили нас почему – то не приветливо.

Хозяева слегка пожурили его для порядка, но были в восторге от его находчивости.

Не все щенки выжили. Оставшиеся же жили в богатых квартирах и были обучены охранять, защищать, нападать.

Это были первые и последние дети Ванды. То были какие-то “ложные” беременности, то вообще ничего не получалось от встреч с претендентами на лапу Ванды. Может потому, что знакомства были случайными и только в момент интимных свиданий. Отсутствовала прелюдия любви, как это было с Артуром, которого давно увезли в другой город.

Так прошло семь лет. Ванда стала зрелой, мудрой собакой, она понимала не только слово, но и взгляд, настроение. Умела сопереживать, утешить. Я часто ловила себя на том, что отношусь к ней совсем не как к собаке, да и она была достойней, нравственней, чем многие люди, для которых понятие долга, преданности, верности были пустым звуком. Она снисходительно относилась к слабостям людей всегда помогала во всем, не дожидаясь просьбы. Единственное, чего она не выносила в людях – это пьянство. Всегда рычала на тех, от кого шел запах алкоголя. Ей уже не надо было давать команд, она все делала сама по обстановке.

Ванда шла виноватая и вместе с тем счастливая. Как она могла объяснить, что все люди для нее братья. Она всех любит и не ожидает от них ничего плохого. Ведь это люди – значит друзья. Ванда жила в атмосфере всеобщей любви к ней и не была готова к другой отрицательной жизни. Она была членом нашей семьи нашей “доченькой”. О другом предназначении собаки мы забыли, хотя заложенные от природы навыки Ванде не были чужды. Она всегда вставала между мной и кем – то ей незнакомым, охраняя меня. Просто у нее не было случая проявить себя как защитника. И хорошо, что ей встретились дети, а не бомжи, которые, как рассказывали, крали и ели собак. Вот когда я пожалела, что не ходила в школу дрессировки.

Как же Ванда оказалась одна на улице так далеко от дома? Обычно Кирилл в обеденный перерыв выгуливал Ванду. В это день было что-то срочное на работе, он посадил ее в машину и увез с собой, там выпустил, чтобы она погуляла (это была окраина горда, дальше начинался лесок и дорога а озеру, откуда дети и возвращались). Вот такое приключение.

Моей сестре пришлось подрабатывать дежурством в большом двухэтажном здании, так как на пенсию не проживешь и двух недель. И чтобы ей не было страшно, я предложила взять Ванду. Проводив их до перекрестка, я, прощаясь, наказала Ванде быть хорошей помощницей и ушла. Несколько раз оглянувшись, я увидела, что Ванда тоже оглядывается, но была спокойно, так как с Надеждой они дружили.

Утром, приготовив Ванде еду, я вышла на балкон, поджидая их возвращения. Из – за угла дома появилась Ванда. И, когда увидела меня, вырвав поводок из руки Надежды, как вихорь помчалась домой. Забыв о процедуре мытья лап, она кинулась ко мне, положила лапы на плечи, склонила голову к моему уху и, как будто жалуясь, начала скулить. Я удивилась такому поведению. Правда, это была наша первая разлука. Надежда рассказала: когда они пришли на дежурство, она показала Ванде ее “место”, а сама пошла на второй этаж по своим делам и вдруг услышала вой протяжный и надрывный в своей безысходности. Ванда сидела, не смея нарушить команду “на месте” и выла, чувствуя себя одинокой и покинутой. Надя стала объяснять ей, что ночь они поработают и вернуться домой, и что собак должна охранять здание и ее от чужих. Все, поняв, Ванда действительно

.Одного из щенков, девочку Багиру (она была черная, как Артур, только без белой звездочки как у отца), новые хозяева принесли в дом и, указав на коврик в прихожей, сказали, что это ее “ место” и запретили заходить в комнаты.

Багира, привыкшая к свободе передвижения, к обществу людей и большого количества братьев и сестер, не стерпела такого обращения, но она была разумной и понимала, что команду нарушать нельзя, взяла в зубы коврик, подтянула его к открытой двери комнаты и, не переступив порога, села на него так, что было видно и слышно людям. Это был ее звездный час. Она своим остроумием так расположила к себе хозяев, что они сразу полюбили ее, признали членом семьи и с гордостью рассказывали всем знакомым, какого умного щенка приобрели.

А наш любимец, которого называли Лордом, оставался таким же любителем поесть и у своих новых хозяев. Его смекалка была направлена на добывание добавочного питания. Понимая, что холодильник – это заветное место, хранилась всякая вкуснятина, но ему не дотянуться туда, он как-то (в отсутствие хозяев) подлез под табуретку, поднял ее и на спине дотащил до холодильника. Затем залез на нее, открыл зубами дверцу и достал все, что привлекло запахами и, не мучаясь совестью, съел.

. Они бегали по улицам с растерянными, ничего не понимающими глазами, тыкались в руки незнакомым людям, прося их взять к себе. От жалости к ним разрывалось сердце, но их становилось все больше и не было возможности помочь всем. Уже становилась привычной картина, когда люди рылись в контейнерах для мусора в поисках съестного, а уж судьба собак волновала немногих. Единственное, что могли еще для них сделать – это дать кусочек хлеба, в лучшем случае – с маслом, или кусочек рыбы, оторванный от собственного обеда. Со временем собаки поняли, что наедятся не на кого, научились выживать самостоятельно. Селились в подвалах домов около теплых труб. Питались на помойках, сидели у ларьков, где продавались пирожки и ничего не просили. Сидели молча. Кто –нибудь подаст пирожок – спасибо. Нет – значит, нет. Кому не было отказано в щенке, вручалось пособие, переписанное из книги по уходу и воспитанию щенков, где были описаны приемы кормления, состав продуктов, элементы дрессировки. “Рожденный в любви – рожденный побеждать”. Дети Ванды, рожденные по этой заповеди и наделенные красивыми, звучными именами, росли активными, доброжелательными, веселыми и очень смыслеными.

стала нести службу, как, и положено сторожевому псу. Она обошла все помещения, заглянув и обнюхав все уголки, а когда среди ночи раздался стук, первая побежала к дверям и стала лаять, спрашивая у незнакомцев, что им здесь нужно. Утром, исполненная гордости от хорошо выполненной работы, она запрыгнула в служебный автобус и люди, заполнявшие салон, приветливо кивали ей, восторгаясь ее размером и статью: “Да с таким сторожем ничего не страшно”. Вот опять моя ошибка. Ванде не пришлось бы столько пережить, если бы я вовремя объяснила, что отпускаю, ее на время и что она обязательно вернется, домой. Я обняла Ванду за шею и сказала: “Девочка моя, запомни, я никогда и никому тебя не отдам. Я очень тебя люблю, и мы всегда будем вместе. Ты ходила на работу и хорошо справилась с ней, моя умница” Ванда понимала каждое сказанное мной слово. С тех пор она с удовольствием ходила на службу, а когда дежурство выпадало на выходные дни, я приходила к ним, и Ванда всегда задолго до моего появления подбегала к двери, мотая своим хвостом, так что становилось страшно, что он отвалится, и ждала, когда я постучу. Она всегда очень бурно выражала свою радость.

Я приносила ей всякие лакомства, гуляла, играла с ней, а потом они провожали меня до ворот, и Ванда спокойно оставалась на работе, зная, что когда она вернется утром, ее будут ждать хозяева и большая косточка, хотя она любила нас не за еду, а просто любила без корысти. Любила всем своим преданным собачьим сердцем, как любят родителей дети, а детей их родители. Так в жизни Ванды появилось несколько месяцев настоящего рабочего стажа. И как в жизни любой девушки к Ванде пришла весна любви. К этому времени мы переехали в другой район. Здесь и появился ОН. Это был дог. Черный, с белой звездочкой на груди, большой и сильный, с красивыми, умными глазами. Наконец – то появился, пес подстать Ванде звали его Артур. Он сразу оценил достоинства новой знакомой и стал ухаживать за ней, проявляя чудеса джентльменства. Первым делом он дал понять своим собратам, что это его избранница, и охранял ее от всех посягательств, никому не давая приблизиться к ней. Артур всегда с большим нетерпением ждал появления Ванды на улице, выражая радость бурными объятиями и ласковым урчанием. Эта пара вызывала всеобщее восхищение.

придумал кормить их из большой глубокой сковороды, запуская на кухню по четыре штуки. Как в каждой человеческой семье есть ребенок, отличающийся индивидуальностью от остальных, так и среди детей Ванды был один, самый резвый, активный, стремительный и конечно, всегда самый голодный. Его запускали на кухню в первой четверке, но он умудрялся пролезать со следующей и еще со следующей и к концу обеда едва тащил свое раздутое тело до лежанки.

Он стал нашим любимцем и последним из щенков, которых мы отдали в “люди”, так как о продаже речь не шла. К тому времени поменялся политический строй в нашей стране. Основное население наступило на черту бедности, большинство ее перешагнуло, и встала проблема прокормиться самим, а уж где там взять в семью такую большую собаку.

Процедура передачи желающим приобрести щенка была очень строгой. С большим пристрастием мы вглядывались в прохожих людей и если нам казалось, что люди не добрые или пьющие, или хотят взять щенка для забавы детям, а не для воспитания друга для них, таким отказывали, так как на улицах стали появляться брошенные домашние собаки, которых одни не могли прокормить, другие не хотели обременять себя заботой о живом существе.

Они - то надолго скрывались за кустами стланика, рябины, черничника, то появлялись, играя в свои собачьи игры, такие контрастные по окрасу и одинаково красивые, статные, достойные своей породы собаки.

Гармония природы и живительной энергии морской стихии вылилась через определенное время в 12 щенков. К сожалению, я не смогла быть с Вандой в этот самый ответственный момент ее жизни. Мне пришлось уехать из города. По возвращении я застала такую картину: Ванда и Кирилл, оба изможденные, с красными от недосыпания глазами, а вокруг россыпью маленькие Ванды и Артуры, едва научившиеся ходить, ободранные обои и лужицы, появляющиеся со скоростью, за которой не угонится никакая тряпка.

Ванда оказалась очень умной и заботливой мамой. При появлении своих детей она все, что положено природой, сделала сама. Преданно ухаживая за своими чадами, вылизывала, что-то нашептывала на ушко каждому, кормила их пока было молоко, которое довольно скоро пропало. Кирилл стал кормить их по одному из бутылочки с соской, но это оказалось затяжным и трудоемким занятием, так как по окончании трапезы последнего щенка наступало время следующего кормления, и он, с его мужской рациональностью,

Когда у Ванды наступило время для продолжения рода, мы их с Артуром увезли на море. Наше охотское море необыкновенное. Из – за низкой температуры купаются в нем только сивучи, иногда подплывая к берегу так близко, что видно их любопытные глаза. Им нравится, что ими любуются, и они устраивают настоящие представления.

Однажды мы наблюдали, как вдруг засеребрилась вода. Лавина серебра переливалась на сотни метров. Зрелище было завораживающее: Это шел огромный косяк кеты. Цвет нашего моря чаще стальной, суровый и волны бушуют, издавая низкий звук, как будто он идет из громадного, сказочного рога изобилия. Это не любовный шепот, как пишут о морях южных, а страсть бури, стихии. Но бывают моменты, когда и оно успокаивается, становится синим с белыми барашками волн, со святящим над ним солнцем и голубым, бескрайним небом, но ненадолго. Прилетает ветер холодный, пронизывающий и уносит эту нежную синеву, напоминая о своем ледяном могуществе. Пустынный песчаный берег с крутыми обрывами простирается до бесконечности. Это было идеальное место для наших влюбленных.